

Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2024. Т. 24, № 1. С. 85–98.

Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2024, vol. 24, no. 1, pp. 85–98.

Обзорная статья

УДК 141.8

DOI: 10.37482/2687-1505-V323

Дискурсивное пространство изучения феномена утопии в современной России: парадигмальный анализ

Лариса Александровна Жгилева

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия,

e-mail: larsamor@gmail.com, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1639-5791>

Аннотация. В статье на примере российского дискурса показаны современные тенденции в изучении утопий. Анализируется тематика научных исследований, выделяются основные концептуальные тренды. Предметом рассмотрения являются монографии, диссертации и статьи, опубликованные в научных рецензируемых журналах. Критериями отбора выступают актуальность, новизна, современность методологии, а также практическая значимость работ. Анализ проводится с применением общенаучных методов исследования. Хронологический охват отбора – 2020–2023 годы, включившие в себя период пандемии COVID-19, а также серьезные изменения в мировой политической обстановке. Автор выдвигает гипотезу, что пандемия и внешнеполитические события 2022–2023 годов должны были актуализировать изучение утопий и антиутопий. В работе сделан вывод о том, что интерес к указанной теме не иссякает, ведутся глубокие историко-философские исследования данного феномена. В российском дискурсе утопию чаще рассматривают в качестве «места, которого нет». Если утопию интерпретируют как «благословенную землю», то она выступает только как идеал или постоянно ускользающая линия горизонта. В случаях, когда речь идет о возможности реализации утопии, отмечается, что она перестает быть утопией и претерпевает ряд кардинальных изменений, превращаясь в свой антипод. Возможность серьезных социальных изменений, о которых мечтают авторы утопий, исследователями категорически не отрицается, но делается оговорка, что люди должны быть подготовлены к новому социальному порядку, отличному от существующих моделей общества. Наиболее удачной формой утопического произведения по-прежнему считается нарратив. С применением современных технологий утопия визуализируется преимущественно в фильмах-катастрофах или компьютерных играх, т. е. вновь выступает в своей противоположности. Однако, несмотря на значительное количество исследований, посвященных проблемам утопии, российский дискурс остается более консервативным по отношению к общемировым тенденциям понимания и изучения данного феномена.

Ключевые слова: утопия, утопизм, антиутопия, утопическое сознание, научные исследования, российский научный дискурс.

Для цитирования: Жгилева, Л. А. Дискурсивное пространство изучения феномена утопии в современной России: парадигмальный анализ / Л. А. Жгилева // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2024. – Т. 24, № 1. – С. 85-98. – DOI: 10.37482/2687-1505-V323.

Review article

Discourse Space for Studying the Phenomenon of Utopia in Modern Russia: A Paradigmatic Analysis

Larisa A. Zhgileva

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russian Federation,
e-mail: larsamor@gmail.com, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1639-5791>

Abstract. Using the example of Russian discourse, the article demonstrates modern trends in the study of utopias. Research topics are analysed and key conceptual trends are highlighted. The subject of consideration is monographs, dissertations and articles published in scholarly peer-reviewed journals, the selection criteria being relevance, novelty, use of modern methodology, as well as practical significance. The analysis involved general research methods. The works span between 2020 and 2023, which includes the period of the COVID-19 pandemic as well as serious changes in the global political situation. The author hypothesizes that the pandemic and foreign policy events of 2022–2023 have updated the topics of utopia and dystopia studies. The paper concludes that the interest in the subject remains strong and that in-depth historical and philosophical research into this phenomenon is being conducted. In Russian discourse, utopia is often viewed as “a place that does not exist”. When utopia is interpreted as a “blessed land”, it represents an ideal or an ever-elusive horizon line. In cases where the feasibility of implementing a utopia is discussed, it is noted that it ceases to be a utopia and undergoes a number of fundamental changes, turning into its antipode. The possibility of serious social changes, dreamed of by the authors of utopias, is not categorically denied by researchers, the reservation being that people must be prepared for a new social order, different from the existing models of society. The most successful form of a utopian work is still considered to be a narrative. With the use of modern technologies, utopia is primarily visualized in disaster films or computer games, that is, once again takes on a shape of its opposite. However, despite a significant amount of research published on the problems of utopia, Russian discourse remains quite conservative in relation to the global trends in understanding and studying this phenomenon.

Keywords: *utopia, utopianism, dystopia, utopian consciousness, research, Russian scholarly discourse.*

For citation: Zhgileva L.A. Discourse Space for Studying the Phenomenon of Utopia in Modern Russia: A Paradigmatic Analysis. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2024, vol. 24, no. 1, pp. 85–98. DOI: 10.37482/2687-1505-V323

Мог ли предполагать в 1516 году сэр Томас Мор, когда была опубликована его книга «Золотая книжечка, столь же полезная, сколь и забавная, о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопия», что интерес общества к вопросу о совершенном государственном устройстве переживет его более чем на 5 сотен лет? Несмотря на начало нового тысячелетия, состояние, охарактеризованное

Т. Манном формулой «Fin de siècle», продолжает перманентно присутствовать в жизни социума, указывая на общественную нестабильность. «Утопии утешают: ибо, не имея реального места, они тем не менее расцветают на чудесном и ровном пространстве; они распаивают перед нами города с широкими проспектами, хорошо возделанные сады, страны благополучия, хотя пути к ним существуют

только в фантазии», – отмечал Мишель Фуко [1, с. 30–31]. Со временем термин «утопия» приобрел множество смысловых оттенков: от обозначения свойственного всем людям стремления к лучшей и комфортной жизни до самых фантастических идей и проектов. В свое время автор публикации достаточно много внимания уделила изучению феномена утопии, рассмотрев классические и неклассические утопии в контексте социально-философских исследований [2; 3].

На фоне пандемии COVID-19, а также серьезных изменений в мировой политической обстановке 2022–2023 годов интерес к теме утопий и антиутопий должен был возрасти во всем мире. В данной работе исследуется российский утопический дискурс, в т. ч. анализируются современные тенденции в изучении утопий, тематика научных исследований, выявляются основные концептуальные тренды. Предметом рассмотрения стали монографии, диссертации и статьи, опубликованные в научных рецензируемых журналах и размещенные в открытом доступе. Поиск электронных информационных ресурсов осуществлялся с применением базы данных eLIBRARY.RU, сведения о диссертационных исследованиях получены в информационной системе Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации. Критериями отбора выступили актуальность, новизна, использование современной методологии, а также практическая значимость работ. Анализ проводился с применением общенаучных методов. Исследованием охвачены публикации за период 2020–2023 годов. Итоги проведенной работы были представлены автором статьи в докладе «Современные тренды изучения утопии: российский и французский дискурсы» на XIV Международной конференции Школы философии и культурологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» «Мир/миры будущего» (5 октября 2023 года, Москва).

Утопия, являясь многогранным феноменом, находится под пристальным вниманием

представителей гуманитарных и социальных наук. Смысловое наполнение термина «утопия», изначально построенное на двояком истолковании, способно изменяться и встраиваться в соответствующие социокультурные и политические контексты. В процессе анализа автор отталкивается от базового определения утопии как «нарратива, который на основе мысленного моделирования формирует определенным образом аксиологически ориентированное общественное сознание» [3, с. 17–18]. Утопия в более узком значении может быть определена как «проект совершенного государственного и общественного устройства, противоположного существующей действительности, созданный на основе ориентации на некий идеал и обосновывающий альтернативную социальную гипотезу» [3, с. 18]. Спектр исследований феномена утопии в России за период 2020–2023 годов условно делится на несколько групп.

Анализируя публикации обзорного характера, можно отметить, с одной стороны, неувядающий интерес ученых к утопической традиции, через которую осмысливается «образ будущего». С другой – социально-политическая обстановка в мире, сложившаяся в рассматриваемый период, побуждает задуматься над вопросом прогнозирования ближайшего будущего на фоне продолжающегося раскачивания миропорядка. Коллективная монография «Позитивный образ будущего: теория, история, способы конструирования» посвящена исследованию концепта «образ будущего» и способов его построения в разных сферах культуры и духовной жизни. Ее авторы анализируют позитивные образы будущего, создаваемые философами, писателями, художниками, размышляющими о судьбах человечества. В книге сочетаются философско-теоретический, культурно-исторический, психологический и социологический дискурсы, что обеспечило комплексный подход и междисциплинарный характер исследования [4]. Коллективная монография «Утопический дискурс в русской культуре конца XIX–XXI веков: литература, живопись,

кинематограф» демонстрирует разнообразие подходов к анализу утопических моделей в контексте различных хронологических рамок от эпохи модерна до постмодернизма. Авторами рассмотрены мифология, пастораль и фантастика в качестве инструментов художественной утопии, показаны аспекты диалога европейской и русской утопической традиции [5]. Сборник научных трудов «Феномен утопии в общественном сознании и культуре», посвященный памяти Виктории Атомовны Чаликовой, включает, в основном в обновленном виде, несколько наиболее значимых ее работ, а также ряд исследований новых авторов, связанных с изучением научно-фантастических, архитектурных и музыкальных утопий [6]. Сборник трудов Т.С. Паниотовой «Миры утопии: избранные труды = *Mundos de la utopía: obras seleccionadas*» посвящен вопросам генезиса и эволюции утопического дискурса в России, Европе и Латинской Америке [7].

В 2020 году, в разгар пандемии, выходит доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай» под названием «Утопия многообразного мира: как продолжается история». Исследователи обратились к жанру утопии, описанию воображаемого идеального мира, каким он мог бы быть, если бы мировому сообществу удалось обернуть во благо человечества имеющиеся ситуации протеста и раскачивания существующего миропорядка [8]. Авторы коллективной монографии «Мифология века НТР: Утопии, мифы, надежды и реальность новейших направлений науки: От Франкенштейна и эликсира бессмертия до “биокиборгов” и “постчеловека”» через призму классической и неклассической методологии анализируют утопические аспекты научного творчества. Исследователи обращают внимание на необходимость различения фантастических утопий и проектов конструктивных, реалистических [9].

Историко-философский срез изучения утопий представлен несколькими работами. О.Н. Халуторных и М.В. Максимова обращаются к анализу утопий, созданных русскими космистами. На основе эмпирических критериев

оценки феномена космизма, его значения для развития советской космонавтики, они показывают, что одна из существенных функций утопий русского космизма заключается в формировании идеального типа, к которому в исторической перспективе начинает стремиться реальная общественная система [10]. С.В. Рассадин, Н.Н. Козлова, опираясь на «Утопию» Т. Мора, конституируют уникальность конструктивистского потенциала утопического дискурса. В этом потенциале данные исследователи усматривают перспективу проектирования новой целостной модели общества, а утопия, по их мнению, может быть «способом введения в дискурс новых практик, конфигураций соотношения различных элементов, раздвигающих горизонты социального и позволяющих адаптировать читателя к толерантному восприятию иного социального порядка, признанию отличных от существующих моделей общества» [11, с. 61].

Многообразные и, порой, противоположные мнения высказывают философы и социологи, специализирующиеся на **изучении феномена утопии и утопизма как его проявления**.

И.Т. Касавин, на основании рассмотрения взаимоотношений внутреннего (когнитивно-методологического) и внешнего (социально-институционального) контуров науки, выдвигает гипотезу об источниках ускорения и торможения научных исследований, а также принятия обществом их результатов. Таковые источники исследователь усматривает в когнитивной проблематизации наличного знания и конкуренции института нормальной науки и его социальных альтернатив. В его работе раскрывается роль «научного прекария», своеобразного философа-трикстера, в полемике с которым ученый может возвышаться над собой. Отмечается, что «оба фактора способствуют научной креативности и ее внешнему проявлению – развитию свободного общества. Такую перспективу задает науке и обществу философская утопия знания-как-власти, которая под видом господства над умами провозглашается как стремление к свободе» [12, с. 193].

Р.Р. Белялетдинов применяет термин «утопия» в контексте эпистемологии утилитариз-

ма, которая «позволяет опредмечивать благо и является одной из наиболее распространенных и сильных систем аргументации при принятии решений в технотехнике, предлагая понятный алгоритм действий – расчет реальных последствий, которые можно измерить и оценить исходя из количественных и качественных показателей» [13, с. 127]. Проанализировав рекомендации Всемирной ассоциации здравоохранения, изданные в период пандемии COVID-19, автор приходит к выводу, что «эпистемологическая утопия утилитаризма – “утилитаристский архангел”, который может в ситуации неопределенности найти правильное решение, при больших потоках данных почти недостижим. Эмоциональное и психологическое давление, заложенное в утилитаризме как ограничение индивидуальных интересов ради достижения общего блага, учитывая невозможность рассчитать истинную ценность каждой отдельной жизни, дает основания относиться к утилитаристской системе принятия решений с большой долей осторожности» [13, с. 131].

О возможности утопии не только выступить в качестве одного из признаков кризисного состояния общества, но и стать стимулирующей формой самосознания, которая позволит человеку понять и принять себя в настоящем, говорят Е.Ф. Куземина и Н.В. Пашкова [14]. Вопрос об укорененности утопического сознания в современном обществе поднимает И.А. Иншаков. Он выделяет ряд черт современности, благодаря которым становится возможным появление новых утопий [15]. М.А. Романенко обращается к темпоральным модусам «прошлое» и «будущее» в контексте утопии, понимаемой как пространство реализации оптимистических предвосхищений [16]. А.А. Власов пытается прояснить вопрос, каким образом утопия как исторический феномен обнаруживает для себя место в условиях конца истории, конца будущего и, возможно, конца самой себя. Он проводит анализ и сопоставление двух возможных векторов утопического нарратива и предлагает в современных условиях рассматривать утопию «как инструмент диагностики ограничений на-

стоящего и как видение нереализованного – и, возможно, неосуществимого – будущего» [17, с. 39]. Г.Д. Леонтьев и Л.С. Леонтьева исследуют феномен утопии как социальной альтернативы в аспекте ее праксеологической специфики [18]. А.Ю. Долгих рассуждает о способности утопий изменить социум и задается вопросами «до какой степени совместимы утопия и преступность? Возможно ли (и необходимо ли) искоренение преступности в качестве условия построения утопии?» [19, с. 95].

Исследователи продолжают анализировать **политическую утопию, а также идеологию как ее проявление**. П.А. Ореховский изучает идеи «новых левых» XXI века, обращая особое внимание на концепцию Н. Срничека и А. Уильямса, которая по своей радикальности фактически граничит с утопией. Автор оценивает сильные и слабые стороны концепций, а также вероятность реализации отдельных социалистических сценариев в будущем. Оценка осуществляется с позиций возможности обеспечения государством условий будущего экономического роста. По мнению Ореховского, «без учета возможностей радикального перелома действующих тенденций для большинства современных национальных экономик сценарий социального регресса и перехода к негативному суверенитету представляется наиболее реальным» [20, с. 2]. Анализ проблемы утопии в новейшем марксизме посвящено исследование А.В. Павлова. Он отмечает, что, отказываясь от традиционного понимания утопии как «готового плана», социологи рассматривают ее как альтернативу, возможности которой можно разглядеть в реальности, а философы представляют как надежду, горизонт невозможного, стремление к лучшему будущему. Для современных марксистов утопия остается одной из важнейших категорий социальной теории [21].

Ю.С. Черняховская, анализируя проявления нового либерализма, рассматривает современные утопии в качестве показателя, позволяющего охарактеризовать существенные черты той или иной идеологии. Придя к выводу о кризисе

идеологий классического типа, она указывает, что в настоящее время «назревает необходимость обратиться к поиску новых концепций, возможно, еще не получивших статус признанных академически» [22, с. 106], а в качестве примера приводит работу братьев Стругацких «Полдень, XXII век (Возвращение)», видя в книге «философскую рефлексию по поводу обозримых результатов развития современных политических процессов» [22, с. 106].

Критический обзор альтернативных сценариев будущего на материалах из идейного наследия В.И. Ленина, А.А. Богданова, А.К. Гастева и А.В. Чаянова осуществила в своей работе Т.С. Паниотова. Автор интерпретирует указанные сценарии будущего как официальную, технократическую и крестьянскую утопии. В ходе сравнительного анализа текстов и идей выявляются не только оригинальные, но и общие черты, свойственные утопиям: «зачарованность техникой», регламентация, эгалитаризм, авторитаризм [23]. Тему утопических произведений Т.С. Паниотова продолжает в работе, посвященной анализу революционных празднеств периода советской культуры 1917–1920-х годов и роли, которую они играли в легитимизации советской цивилизации и формировании позитивного образа ее будущего. Выделение утопического измерения революционных праздников основывается на понимании автором утопии как «универсальной культурной формы чувственно-рационального освоения социальной реальности в образах-концепциях, синтезирующих представления о счастье и гармонии и отвечающих человеческой потребности в предвидении и моделировании альтернативных вариантов исторического развития» [24, с. 580].

Активно продолжается изучение **проявления феномена утопии в культуре, в т. ч. литературе и киноискусстве**. И.В. Желтикова в своем исследовании обращается к принципам разграничения понятий «утопия» и «антиутопия» с позиций восприятия идеала и оценки вымышленного мира. Автор предлагает рассматривать содержание утопических произве-

дений с трех позиций: «с позиции самих населяющих воображаемый мир людей (внутренняя оценка); с позиции автора, дающего оценку описываемого мира (авторская оценка); с учетом возможной оценки общественной модели читателями (внешняя оценка)», демонстрируя их на примере российских утопий начиная с XVIII века и до современности [25, с. 77]. На основании взаимодополняемости различных концепций гипотетического развития культуры – «метатеорий возможного» (более или менее нейтральной «теории возможного», теории «культурного взрыва», логики «непредсказуемых событий» и т. п.) А.В. Демкина предлагает методологию научного анализа художественных и публицистических рефлексий возможного [26]. В.А. Ковалев, обращаясь к творчеству И. Ефремова, заявляет о необходимости пересмотра социально-философского контекста известных утопий. Он обращает внимание на то, что «“микроорганизмы” тоталитарно-коммунистического мировоззрения в благоприятной среде могут привести к новому ГУЛАГу, террору и беззаконию» [27, с. 114–115]. В последующей работе В.А. Ковалев акцентирует внимание читателей на двух главных, по его мнению, смыслах, заложенных И. Ефремовым: «это во-первых, назревание неизбежной глобальной катастрофы, после которой и будет открыта возможность коммунистической организации мира; и во-вторых, это страстный призыв признать значение свободного Эроса для нормальной человеческой жизни» [28, с. 107].

Растет интерес к изучению творчества Андрея Платонова, связанный с попытками классификации произведений в жанре утопий или антиутопий. Среди наиболее интересных работ следует отметить труды С.С. Неретиной [29], М.В. Заваркиной [30] и Н.Г. Митиной [31].

О.С. Сухих исследует черты утопии и антиутопии в художественном мире произведения В.П. Крапивина «Ампула Грина» и приходит к выводу о том, что «антиутопические черты для автора воплощены в настоящем, а утопические – мир детства» [32, с. 70–71]. Н.М. Твердынин анализирует диалектическое взаимодействие

обыденного и научного знания в процессах создания и чтения научно-фантастических произведений. Им установлено, что произведения в стиле киберпанк и стимпанк могут служить основой для работ в жанрах утопии и антиутопии, однако возможности каждого стиля при этом могут отличаться, что проявляется и в самих произведениях, и в их восприятии [33].

В монографии журналиста и киноведа Е.Ю. Ермаковой на большом фактическом материале раскрыта эволюция утопии как жанра кинематографа. Автором предложена оригинальная теория перехода от социальной утопии к утопии мышления в современном кино [34]. О.В. Шестерик изучает границы смыслового разделения терминов «утопия», «утопизм», «антиутопия» и корректное их применение на различных стадиях разработки кинопроектов [35]. Н.А. Дидковская и С.П. Бертова анализируют процесс усложнения и взаимодействия жанров утопии и антиутопии в кинематографе [36].

В области изучения **утопий в связи с цифровым миром и искусственным интеллектом** значимым событием стала защита в декабре 2021 года диссертации на соискание ученой степени доктора культурологии И.Д. Тузовским. Целью своей работы автор поставил построение «концептуальной модели (характерные черты, конфигурации, гуманистический потенциал, утопические компоненты) культуры Цифровой эпохи и осуществление актуальной социокультурной диагностики сценариев глобализационных процессов и трендов развития квази-«информационных обществ» XXI века» [37, с. 16–17]. Он отмечает, «что современное информационное общество обладает определенным гуманистическим потенциалом, что ярко выражается в проявившихся в начале XXI в. трендах развития... Эти тренды определяют возможности реализации гуманистического вектора развития глобального общества на основе практического воплощения сильного утопического потенциала радикальных концепций постсовременности, таких как викиномика, дарономика или шерингпотребление» [37, с. 37].

О.Н. Халуторных и Е.А. Егорова анализируют социально-философский аспект феномена утопичности цифрового пространства в современном обществе. «Цифровая утопия» охарактеризована ими как «новая категория общественно-гуманитарного знания, символизирующая начало критического осмысления технологического прогресса и сигнализирующая о ранее неизвестных формах принуждения и насилия над личностью» [38, с. 3]. Исследователи отмечают, что «в современном обществе мерилom совершенства, идеалом выступает машина/искусственный интеллект», а «интеграция медиа-технологий приводит к формированию высокоинтеллектуального коммуникативного пространства, которое становится локомотивом глобальных преобразований, но направление, характер этих преобразований со всей сопутствующей ответственностью полностью определяется обществом и его идеологией» [38, с. 3, 5]. О.Н. Халуторных и Е.А. Егорова приходят к выводу, что жизнь в цифровой среде (иллюзорной среде желаемого) у многих субъектов может не соответствовать действительности, что приводит к росту психологических проблем и девиаций. Поэтому «изучение феномена цифровой утопии и ее основных аспектов во многом является ключом к постижению идеологии постиндустриального общества и прогнозированию путей его дальнейшего развития, что также может способствовать выявлению разнообразных проблем и их заблаговременному решению» [38, с. 9].

Изучению нового технологического искусства, ставшего одним из катализаторов появления цифровых утопий и дистопий, посвящена работа Т.С. Паниотовой (в соавторстве с Р. Иглесиасом Гарсией). Исследуется, как в художественных практиках фигура киборга становится центром формирующейся новой утопической трансгуманистической парадигмы [39].

Интересна и востребована тематика работ, связанных с **анализом аксиологической функции утопии**. В.В. Мархинин рассматривает «Новую Атлантиду» Ф. Бэкона в контексте изучения взгляда автора утопии на миссию ученого, цели научно-технического прогресса,

а также взаимоотношения власти и науки. Акцент Мархинин делает на том, что, по мнению Ф. Бэкона, государственная власть не может являться инициатором и источником нравственного прогресса. Только ученый способен выступить по отношению к обществу в роли интеллектуального и морального эталона [40, с. 101–102]. Изучению утопической традиции понимания счастья в контексте формирования образов будущего посвящена одна из работ Т.С. Паниотовой. Автор анализирует примеры известных утопий Т. Мора, А. де Сен-Симона, Ш. Фурье и приходит к выводу, что «человеческие надежды обрести счастье и заглянуть в будущее неодолимы, поэтому утопическая функция продолжает пульсировать в современном мире, принимая новые формы и открывая новые возможности» [41, с. 8].

В ходе проведенного Т.Б. Щепанской в период 2018–2019 годов нетнографического исследования обсуждений деревенского варианта выживания в случае глобальной катастрофы, его участники генерировали ситуации кризисной социальности катастрофического будущего. Исследование было дополнено анализом практик самоизоляции в период пандемии COVID-19 (2020 год). Автор обращает внимание, что «спецификой субкультурной идеологии выживания является ориентация на переезд как создание автономного социального мира». Однако «опыт реализации проекта бегства в деревню обнаружил признаки кризисной трансформации институтов власти на региональном и муниципальном (локальном) уровнях, изменение некоторых неформальных институтов (соседство), которые не всегда позволяли реализовать социальный капитал, сформированный горожанами в сельской местности до кризиса, что трактуется в дискурсе выживальщиков как разрушение их проекта сельской автономии, который все в большей степени подвергается критике как утопия» [42, с. 83–84].

А.И. Желнин и Е.А. Южакова рассуждают об этической стороне концепции биотехнологического «улучшения». Они изучают взаимодействие технологического и гуманитарного (творческого) подходов к пониманию данного

вопроса, иллюстрируя ситуацию на примерах научно-фантастических произведений в литературе и кинематографе [43].

Исследователи как в России, так и за рубежом сходятся во мнении, что сущность утопии заключается в создании воображаемой совершенной общественной системы, противоположной реальной действительности. Системы, которая может обеспечить всеобщее счастье. Утопическое мышление – это мечта об иной реальности, более совершенной, чем настоящая. Утопию питают надежда и желание изменить имеющееся положение вещей.

Ниже для сравнения рассмотрим ряд концепций утопии и утопизма, предложенных современными зарубежными исследователями.

Р. Рюйер определяет утопизм как еще один способ увидеть «реальность» или найти способ ее преобразования, представив себе альтернативные варианты. Он называет этот прием «упражнением в латеральных возможностях», говоря об открытии того, что находится за пределами непосредственного, о практике поиска иных способов организации общества, возможных решений проблем, затрагивающих людей, перспектив реформ, иных способов политической и социальной организации и т. д. [44].

Если мы сегодня хотим изменить мир, замечает в предисловии к книге Т. Мора С. Данкомб, мы должны заключить мир с Утопией. Но «новую утопию» нельзя рассматривать как статичное общество, в котором обыватели живут, слепо веря в превосходство своей собственной организации, в безопасность, которую им гарантируют законы, при относительной социальной ответственности, которая освобождает их от тяжелого бремени. «Новая утопия» станет «открытой утопией», демократической по своей концепции, «альтернативным обществом», при котором будет иметь вес критическое мнение населения. Будет создана «утопия общественного участия», в которой все жители свободны и несут совместную ответственность [45].

Представление себя другими – центральный элемент современного утопического проекта, утверждает Л. Суарес: «Порыв к лучшей жизни живет в самой глубокой части челове-

ского сердца и вписан в утопию, которая представляет собой метод, наделенный активным значением. Сегодня мы говорим об утопии как способе жизни с надеждой на лучшее будущее, о желании позитивно изменить мир» [46].

Обломки неудавшихся утопий прошлого столетия образовали вакуум, а исследования социальных трансформаций в последние десятилетия вообще не были модными в академических кругах, отмечает М. Флербе. Между тем сегодня существует важный общественный запрос на долгосрочную перспективу и уверенность в завтрашнем дне. Социальные науки лучше, чем когда-либо, оснащены для удовлетворения этого спроса: «Форма, которую может принять такой ответ сейчас, сильно отличается от утопий-антиутопий и самопровозглашенных научных идеологий, которые провидцы предлагали два столетия назад. Что можно предложить сейчас, так это проведение серьезного, действительно строгого научного анализа желаемого и возможности изменений в социальной организации и социальной структуре. Утопическое мышление должно быть “включено” в академический и технический анализ институтов и социальных явлений. При этом оно может потерять свою романтическую ауру, но обретет гораздо большую благотворную силу» [47, с. 27].

«Сегодня принято называть утопии “реалистичными”, более скромными по масштабу, но конвертируемыми в конкретные действия, которые, вероятно, будут реализованы в краткосрочной или среднесрочной перспективе», – заключает Ф. Моати, инициатор проекта по изучению «утопических перспектив», формализованных систем мышления, характеризующих «видения мира» и перспективы желаемого будущего французских граждан [48, с. 7].

Утопические идеи, вдохновлявшие просветителей, стали настоящим для людей XXI века. Необходимо продолжать мечтать и претворять в жизнь свои мечты. Таков общий вектор современных зарубежных исследований утопического сознания. Однако российские ученые держатся отстраненно от погружения в «утопическую реальность». Мы видим, что сегодня, несмотря на значительное количество работ, посвященных проблемам утопии, российский дискурс более консервативен по отношению к общемировым тенденциям понимания и изучения феномена утопии.

Подводя итоги, следует отметить ряд особенностей современного российского дискурса интерпретации утопии:

1. Утопию чаще рассматривают в качестве «места, которого нет».

2. Если утопию интерпретируют как «благословенную землю», то она выступает только как идеал или постоянно ускользающая линия горизонта.

3. В случаях, когда речь идет о возможности реализации утопии, делается оговорка, что она перестает быть утопией и претерпевает ряд кардинальных изменений, превращаясь в свой антипод.

4. Возможность серьезных социальных изменений, о которых мечтают авторы утопий, исследователями категорически не отрицается, но отмечается, что люди должны быть подготовлены к новому социальному порядку, отличному от существующих моделей общества.

5. Наиболее удачной формой утопического произведения по-прежнему считается нарратив.

6. С применением современных технологий утопия визуализируется преимущественно в фильмах-катастрофах или компьютерных играх, т. е. вновь выступает в своей противоположности.

Список литературы

1. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / пер. с фр. В.П. Визгина, Н.С. Автономовой; вступ. ст. Н.С. Автономовой. СПб.: А-сэд, 1994. 405 с.

2. Морщихина Л.А. Исследование феномена утопии в современной России: парадигмальный анализ // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2017. № 2. С. 46–57. <https://doi.org/10.17238/issn2227-6564.2017.2.46>

3. *Морщихина Л.А.* Классические и неклассические утопии в контексте социально-философских исследований: дис. ... канд. филос. наук. Архангельск, 2004. 195 с.
4. Позитивный образ будущего: теория, история, способы конструирования: моногр. / отв. ред. Т.С. Паниотова. Ростов н/Д.; Таганрог: Юж. федер. ун-т, 2021. 268 с.
5. Утопический дискурс в русской культуре конца XIX–XXI веков: литература, живопись, кинематограф: моногр. / науч. ред. Н.В. Ковтун. М.: Флинта, 2021. 281 с.
6. Феномен утопии в общественном сознании и культуре: Памяти Виктории Атомовны Чаликовой: сб. науч. тр. / отв. ред. С.А. Гудимова. М.: ИНИОН РАН, 2021. 283 с.
7. *Паниотова Т.С.* Миры утопии: избранные труды = *Mundos de la utopía: obras seleccionadas*. Ростов н/Д.; Таганрог: Изд-во Юж. федер. ун-та, 2022. 351 с.
8. *Барабанов О.Н., Бордачёв Т.В., Лисоволик Я.Д., Лукьянов Ф.А., Сушенцов А.А., Тимофеев И.Н.* Утопия многообразного мира: как продолжается история. М.: Междунар. дискус. клуб «Валдай», 2020. 28 с.
9. Мифология века НТР: Утопии, мифы, надежды и реальность новейших направлений науки. От Франкенштейна и эликсира бессмертия до «биокиборгов» и «постчеловека» / сост. М.И. Фролова. М.: Ленанд, 2020. 448 с.
10. *Халуторных О.Н., Максимова М.В.* О прогностических и моделирующих функциях социальных утопий русских космистов // Социум и власть. 2021. № 2(88). С. 50–57. <https://doi.org/10.22394/1996-0522-2021-2-50-57>
11. *Рассадин С.В., Козлова Н.Н.* Утопия Т. Мора как способ конструирования общества: социально-философский анализ // Знание. Понимание. Умение. 2022. № 3. С. 61–71. <http://dx.doi.org/10.17805/zpu.2022.3.6>
12. *Касавин И.Т.* Когда будущее граничит с утопией: наука в перспективе // Вестн. Томск. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2022. № 68. С. 193–200. <https://doi.org/10.17223/1998863X/68/19>
13. *Беляетдинов Р.Р.* Утилитаризм и пандемия: эпистемологическая утопия как *modus operandi* // Знание. Понимание. Умение. 2021. № 4. С. 126–132. <https://doi.org/10.17805/zpu.2021.4.10>
14. *Күземеина Е.Ф., Пашкова Н.В.* Утопия как форма экзистенциальной изоляции // Общество: философия, история, культура. 2022. № 8(100). С. 45–49. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.8.6>
15. *Инишаков И.А.* Современность как время для утопии // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз (Журн. полит. философии и соц. политики). 2022. № 1(104). С. 7–23. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2022-104-1-7-23>
16. *Романенко М.А.* Воображая будущее: прошлое в утопическом измерении // Вестн. Моск. гос. ун-та культуры и искусств. 2020. № 3(95). С. 35–43. <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-10303>
17. *Власов А.А.* Конец истории. Конец утопии. Конец будущего? // Вестн. Моск. гос. ун-та культуры и искусств. 2023. № 1(111). С. 34–40. <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-1111-34-40>
18. *Леонтьев Г.Д., Леонтьева Л.С.* Праксеология социальной утопии: протест-проект-практика // Социодинамика. 2020. № 2. С. 64–73. <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2020.2.30089>
19. *Долгих А.Ю.* *Utopia et criminalia* («Утопия и преступные дела») // Вестн. Томск. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2023. № 72. С. 94–108.
20. *Ореховский П.А.* Социализм и левая утопия в XXI веке (К. Крауч, Т. Пикетти, Н. Срничек, А. Уильямс и др.): науч. докл.: препринт. М.: Ин-т экономики РАН, 2020. 50 с.
21. *Павлов А.В.* Утопия в новейшем западном марксизме: аномалия, надежда, наука // Вопр. философии. 2021. № 9. С. 25–36. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2021-9-25-36>
22. *Черняховская Ю.С.* От утопии либерализма к антиутопии Фукуямы // Тетради по консерватизму. 2021. № 3. С. 101–110.
23. *Паниотова Т.С.* Битва за будущее на перекрестке утопий // Вестн. Моск. гос. ун-та культуры и искусств. 2020. № 3(95). С. 6–20. <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-10301>
24. *Паниотова Т.С., Романенко М.А.* Навык воображать будущее: утопическое измерение советских революционных празднеств // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 2. С. 577–592. <https://doi.org/10.15826/qr.2022.2.689>
25. *Желтикова И.В.* Контуры российских утопий, или границы между позитивными и негативными воображаемыми мирами // Вестн. Моск. гос. ун-та культуры и искусств. 2022. № 5(109). С. 75–85. <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-5109-75-85>
26. *Демкина А.В.* Конструирование возможного будущего в позднесоветской интеллектуальной культуре 1980-х – начала 1990-х годов (на примере фантастической литературы): дис. ... канд. культурологии. М., 2022. 355 с.
27. *Ковалев В.А.* Две стороны инферно. Утопия и антиутопия в творчестве Ивана Ефремова (статья первая) // История и современность. 2020. № 1(35). С. 94–115.

28. Ковалев В.А. Между Эросом и Танатосом: Утопия и антиутопия Ивана Ефремова (статья вторая) // История и современность. 2021. № 1(39). С. 82–110. <https://doi.org/10.30884/iis/2021.01.04>
29. Неретина С.С. Утопия как свободомыслие у Платонова // Филос. науки. 2020. Т. 63, № 3. С. 75–94. <https://doi.org/10.30727/0235-1188-2020-63-3-75-94>
30. Заваркина М.В. Утопия как антиутопия (повесть Андрея Платонова «Хлеб и чтение») // Проблемы истор. поэтики. 2021. Т. 19, № 2. С. 326–352. <https://doi.org/10.15393/j9.art.2021.9402>
31. Митина Н.Г. Тема любви в русских философских утопиях 1920–1930-х гг. (А. Платонов и С. Калачов) // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2021. № 468. С. 69–74. <https://doi.org/10.17223/15617793/468/8>
32. Сухих О.С. Утопия и антиутопия как две грани художественной реальности в романе В.П. Крапивина «Ампула Грина» // *Litera*. 2022. № 9. С. 70–82. <https://doi.org/10.25136/2409-8698.2022.9.38832>
33. Твердынин Н.М. Научная фантастика как поле взаимопроникновения и взаимовлияния научного и обыденного сознания // Семиот. исследования. 2022. Т. 2, № 4. С. 31–36. <https://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-4-31-36>
34. Ермакова Е.Ю. Эволюция социальной утопии как жанра кинематографа. М.: МГППУ, 2021. 104 с.
35. Шестерик О.В. Определение жанра утопии и антиутопии в отечественном кинематографе // Культур. жизнь Юга России. 2020. № 2(77). С. 71–76.
36. Дидковская Н.А., Бертова С.П. Современный кинематограф как рефлексивное поле амбиутопизма // Верхневолж. филол. вестн. 2020. № 4(23). С. 205–213. <https://doi.org/10.20323/2499-9679-2020-4-23-205-213>
37. Тузовский И.Д. Культура цифровой эпохи: Утопический и гуманистический потенциал «информационного общества»: дис. ... д-ра культурологии. Челябинск, 2021. 365 с.
38. Халтурных О.Н., Егорова Е.А. Цифровая утопия в современном обществе: социально-философский аспект // Гуманит. вестн. 2022. № 2(94). <https://doi.org/10.18698/2306-8477-2022-2-771>
39. Иглесиас Гарсиа Р., Паниотова Т.С. «Наше постчеловеческое будущее» в утопиях современного искусства // Человек. 2021. Т. 32, № 4. С. 149–171. <https://doi.org/10.31857/S023620070016693-9>
40. Мархинин В.В. Новая Атлантида – технократическая утопия? // Сиб. филос. журн. 2023. Т. 21, № 1. С. 90–104. <https://doi.org/10.25205/2541-7517-2023-21-1-90-104>
41. Паниотова Т.С. Будущее как ожидание счастья // *Abyss* (Вопр. философии, политологии и соц. антропологии). 2022. № 2(20). С. 5–12.
42. Щепанская Т.Б. Домик-в-деревне для бегства и выживания: утопия сельской автономии в популярной футурологии катастроф // Этногр. обозрение. 2020. № 6. С. 70–87. <https://doi.org/10.31857/S086954150013122-4>
43. Желнин А.И., Южакова Е.А. Конвергенция подходов к «улучшению человека»: между технаукой, моралью и искусством // Новые идеи в философии. 2020. № 7(28). С. 158–166.
44. Ruyer R. *L'utopie et les utopies*. Saint-Pierre-de-Salerne: Gerard Monfort, 1988. 294 p.
45. More T. *Open Utopia*. Wivenhoe: Minor Compositions, 2012. 242 p.
46. Soares L.C. Utopia – realidades possíveis ou possíveis realidades? // *Cultura*. 2017. Vol. 36. P. 355–372. <https://doi.org/10.4000/cultura.3778>
47. Fleurbaey M. *Mainstreaming Utopia: A Global Challenge* // *Penser global: Internationalisation et globalisation des sciences humaines et sociales* / ed. by M. Wieviorka, L. Lévi-Strauss, G. Lieppe. Paris: Éditions de la Maison des sciences de l'homme, 2015. P. 93–102. <https://doi.org/10.4000/books.editionsmslh.4726>
48. *L'observatoire des perspectives utopiques: Rapport d'analyse*. Vague 1. Paris, 2019. 152 p. URL: <https://librairie.ademe.fr/consommer-autrement/5709-observatoire-des-perspectives-utopiques-des-francais-vague-1-de-2019.html> (дата обращения: 15.11.2023).

References

1. Foucault M. *Les mots et les choses. Une archéologie des sciences humaines*. Paris, 1966, 405 p. (Russ. ed.: Fuko M. *Slova i veshchi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk*. St. Petersburg, 1994. 405 p.).
2. Morshchikhina L.A. Research into the Phenomenon of Utopia in Modern Russia: A Paradigmatic Analysis. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2017, no. 2, pp. 46–57. <https://doi.org/10.17238/issn2227-6564.2017.2.46>
3. Morshchikhina L.A. *Klassicheskie i neklassicheskie utopii v kontekste sotsial'no-filosofskikh issledovaniy* [Classical and Non-Classical Utopias in the Context of Socio-Philosophical Research: Diss.]. Arkhangelsk, 2004. 195 p.

4. Paniotova T.S. (ed.). *Pozitivnyy obraz budushchego: teoriya, istoriya, sposoby konstruirovaniya* [Positive Image of the Future: Theory, History and Design Methods]. Rostov-on-Don, 2021. 268 p.

5. Kovtun N.V. (ed.). *Utopicheskiy diskurs v russkoy kul'ture kontsa XIX–XXI vekov: literatura, zhivopis', kinematograf* [Utopian Discourse in Russian Culture of the Late 19th – 21st Centuries: Literature, Painting and Cinema]. Moscow, 2021. 281 p.

6. Gudimova S.A. (ed.). *Fenomen utopii v obshchestvennom soznanii i kul'ture* [The Phenomenon of Utopia in Public Consciousness and Culture]. Moscow, 2021. 283 p.

7. Paniotova T.S. *Mundos de la utopia: obras seleccionadas*. Rostov-on-Don, 2022. 351 p.

8. Barabanov O.N., Bordachev T.V., Lisovolik Ya.D., Luk'yanov F.A., Sushentsov A.A., Timofeev I.N. *Utopiya mnogoobraznogo mira: kak prodolzhaetsya istoriya* [Utopia of a Diverse World: How History Continues]. Moscow, 2020. 28 p.

9. Frolova M.I. (comp.). *Mifologiya veka NTR: Utopii, mify, nadezhdy i real'nost' noveyshikh napravleniy nauki: Ot Frankenshteyna i eliksira bessmertiya do "biokiborgov" i "postcheloveka"* [Mythology of the Era of Technological Revolution: Utopias, Myths, Hopes and Reality of the Recent Scientific Directions: From Frankenstein and the Elixir of Life to Biocborgs and Posthumans]. Moscow, 2020. 448 p.

10. Khalutornykh O.N., Maksimova M.V. On the Prognostic and Modeling Functions of the Social Utopias of Russian Cosmists. *Socium i vlast'*, 2021, no. 2, pp. 50–57 (in Russ.). <https://doi.org/10.22394/1996-0522-2021-2-50-57>

11. Rassadin S.V., Kozlova N.N. Utopiya T. Mora kak sposob konstruirovaniya obshchestva: sotsial'no-filosofskiy analiz [T. More's Utopia as a Way of Constructing Society: Socio-Philosophical Analysis]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, 2022, no. 3, pp. 61–71. <http://dx.doi.org/10.17805/zpu.2022.3.6>

12. Kasavin I.T. When the Future Borders on Utopia: Science in Perspective. *Tomsk State Univ. J. Philos. Sociol. Polit. Sci.*, 2022, vol. 68, pp. 193–200 (in Russ.). <https://doi.org/10.17223/1998863X/68/19>

13. Belyaletdinov R.R. Utilitarizm i pandemiya: epistemologicheskaya utopiya kak modus operandi [Utilitarianism and the Pandemic: Epistemological Utopia as a modus operandi]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, 2021, no. 4, pp. 126–132. <https://doi.org/10.17805/zpu.2021.4.10>

14. Kuzemina E.F., Pashkova N.V. Utopia as a Form of Existential Isolation. *Soc. Philos. Hist. Cult.*, 2022, no. 8, pp. 45–49 (in Russ.). <https://doi.org/10.24158/fik.2022.8.6>

15. Inshakov I.A. Sovremennost' kak vremya dlya utopii [Modernity as a Time for Utopia]. *Politiya: Analiz. Khronika. Prognoz (Zhurnal politicheskoy filosofii i sotsial'noy politiki)*, 2022, no. 1, pp. 7–23. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2022-104-1-7-23>

16. Romanenko M.A. Voobrazhaya budushchee: proshloe v utopicheskom izmerenii [Imagining the Future: The Past in Utopian Dimension]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, 2020, no. 3, pp. 35–43. <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-10303>

17. Vlasov A.A. The End of History. The End of Utopia. The End of Future? *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, 2023, no. 1, pp. 34–40 (in Russ.). <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-1111-34-40>

18. Leont'ev G.D., Leont'eva L.S. Prakseologiya sotsial'noy utopii: protest-proekt-praktika [Praxeology of Social Utopia: Protest–Project–Practice]. *Sotsiodinamika*, 2020, no. 2, pp. 64–73. <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2020.2.30089>

19. Dolgikh A.Yu. Utopia and Criminality. *Tomsk State Univ. J. Philos. Sociol. Polit. Sci.*, 2023, no. 72, pp. 94–108 (in Russ.).

20. Orekhovskiy P.A. *Sotsializm i levaya utopiya v XXI veke (K. Krauch, T. Piketti, N. Srnichek, A. Uil'yams i dr.)* [Socialism and Leftist Utopia in the 21st Century (C. Crouch, T. Piketty, N. Srnicek, A. Williams and Others)]. Preprint. Moscow, 2020. 50 p.

21. Pavlov A.V. Utopia in the Recent Western Marxism: Anomaly, Hope, Science. *Voprosy filosofii*, 2021, no. 9, pp. 25–36 (in Russ.). <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2021-9-25-36>

22. Chernyakhovskaya Yu.S. Ot utopii liberalizma k antiutopii Fukuyamy [From Liberal Utopia to Fukuyama's Anti-Utopia]. *Tetradi po konservatizmu*, 2021, no. 3, pp. 101–110.

23. Paniotova T.S. Bitva za budushchee na perekrestke utopiy [The Battle for the Future at the Intersection of Utopias]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, 2020, no. 3, pp. 6–20. <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-10301>

24. Paniotova T., Romanenko M. The Skill of Imagining the Future: The Utopian Dimension of Soviet Revolutionary Festivities. *Quaestio Rossica*, 2022, vol. 10, no. 2, pp. 577–592. <https://doi.org/10.15826/qr.2022.2.689>
25. Zheltikova I.V. The Outline of Russian Utopias or Boundaries Between Positive and Negative Imaginary Worlds. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, 2022, no. 5, pp. 75–85 (in Russ.). <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-5109-75-85>
26. Demkina A.V. *Konstruirovaniye vozmozhnogo budushchego v pozdnesovetskoy intellektual'noy kul'ture 1980-kh – nachala 1990-kh godov (na primere fantasticheskoy literatury)* [Construction of a Possible Future in the Late Soviet Intellectual Culture of the 1980s – Early 1990s (Exemplified by Science Fiction): Diss.]. Moscow, 2022. 355 p.
27. Kovalev V.A. Dve storony inferno. Utopiya i antiutopiya v tvorchestve Ivana Efremova (stat'ya pervaya) [Two Sides of the Inferno. Utopia and Dystopia in the Works of Ivan Efremov (Article One)]. *Istoriya i sovremennost'*, 2020, no. 1, pp. 94–115.
28. Kovalev V.A. Mezhdru Erosom i Tanatosom: Utopiya i antiutopiya Ivana Efremova (stat'ya vtoraya) [Between Eros and Tanatos: Utopia and Anti-Utopia in the Works of Ivan Efremov (Article Two)]. *Istoriya i sovremennost'*, 2021, no. 1, pp. 82–110. <https://doi.org/10.30884/iis/2021.01.04>
29. Neretina S.S. Platonov's Utopia as Freethinking. *Russ. J. Philos. Sci.*, 2020, vol. 63, no. 3, pp. 75–94 (in Russ.). <https://doi.org/10.30727/0235-1188-2020-63-3-75-94>
30. Zavarkina M.V. Utopia as an Anti-Utopia (Andrey Platonov's Short Novel *Bread and Reading*. *Probl. Hist. Poet.*, 2020, vol. 19, no. 2, pp. 326–352 (in Russ.). <https://doi.org/10.15393/j9.art.2021.9402>
31. Mitina N.G. The Theme of Love in Russian Philosophical Utopias of the 1920s and 1930s (Andrei Platonov and Stepan Kalachov). *Tomsk State Univ. J.*, 2021, no. 468, pp. 69–74 (in Russ.). <https://doi.org/10.17223/15617793/468/8>
32. Sukhikh O.S. Utopiya i antiutopiya kak dve grani khudozhestvennoy real'nosti v romane V.P. Krapivina "Ampula Grina" [Utopia and Dystopia as Two Facets of Artistic Reality in V.P. Krapivin's Novel "Green's Ampoule"]. *Litera*, 2022, no. 9, pp. 70–82. <https://doi.org/10.25136/2409-8698.2022.9.38832>
33. Tverdnyin N.M. Science Fiction as the Sphere of Interpenetration and Mutual Influence of Scientific and Everyday Consciousness. *Semiot. Stud.*, 2022, vol. 2, no. 4, pp. 31–36 (in Russ.). <https://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-4-31-36>
34. Ermakova E.Yu. *Evol'yutsiya sotsial'noy utopii kak zhanra kinematografa* [The Evolution of Social Utopia as a Cinematic Genre]. Moscow, 2021. 104 p.
35. Shesterik O.V. Opredeleniye zhanra utopii i antiutopii v otechestvennom kinematografe [Definition of the Genre of Utopia and Dystopia in Russian Cinema]. *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii*, 2020, no. 2, pp. 71–76.
36. Didkovskaya N.A., Bertova S.P. Sovremennyy kinematograf kak refleksivnoe pole ambiutopizma [Modern Cinema as a Reflexive Field of Ambiutopism]. *Verkhnevolzhskiy filologicheskyy vestnik*, 2020, no. 4, pp. 205–213. <https://doi.org/10.20323/2499-9679-2020-4-23-205-213>
37. Tuzovskiy I.D. Kul'tura tsifrovoy epokhi: Utopicheskiy i gumanisticheskiy potentsial "informatsionnogo obshchestva" [Culture of the Digital Age: Utopian and Humanistic Potential of the Information Society: Diss.]. Chelyabinsk, 2021. 365 p.
38. Khalutornykh O.N., Egorova E.A. Tsifrovaya utopiya v sovremennom obshchestve: sotsial'no-filosofskiy aspekt [Digital Utopia in Modern Society: Socio-Philosophical Aspect]. *Gumanitarnyy vestnik*, 2022, no. 2. <https://doi.org/10.18698/2306-8477-2022-2-771>
39. Iglesias Garcia R., Paniotova T.S. "Nashe postchelovecheskoe budushchee" v utopiyakh sovremennogo iskusstva ["Our Posthuman Future" in Utopias of Contemporary Art]. *Chelovek*, 2021, vol. 32, no. 4, pp. 149–171. <https://doi.org/10.31857/S023620070016693-9>
40. Markhinin V.V. New Atlantis – a Technocratic Utopia? *Sibirskiy filosofskiy zhurnal*, 2023, vol. 21, no. 1, pp. 90–104 (in Russ.). <https://doi.org/10.25205/2541-7517-2023-21-1-90-104>
41. Paniotova T.S. Budushchee kak ozhidaniye schast'ya [The Future as the Expectation of Happiness]. *Abyss (Voprosy filosofii, politologii i sotsial'noy antropologii)*, 2022, no. 2, pp. 5–12.
42. Shchepanskaya T.B. Domik-v-derevne dlya begstva i vyzhivaniya: utopiya sel'skoy avtonomii v populyarnoy futurologii katastrof [House-in-the-Village for Escape and Survival: Utopia of Rural Autonomy in the Popular Futurology of Disasters]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2020, no. 6, pp. 70–87. <https://doi.org/10.31857/S086954150013122-4>
43. Zhelnin A.I., Yuzhakova E.A. Konvergentsiya podkhodov k "uluchsheniyu cheloveka": mezhdru tekhnoukoy, moral'yu i iskusstvom [Convergence of Approaches to "Human Enhancement": Between Technoscience, Morality and Art]. *Novye idei v filosofii*, 2020, no. 7, pp. 158–166.
44. Ruyer R. *L'utopie et les utopies*. Saint-Pierre-de-Salerne, 1988. 294 p.

Жгилева Л.А.

Дискурсивное пространство изучения феномена утопии в современной России...

---

45. More T. *Open Utopia*. Wivenhoe, 2012. 242 p.

46. Soares L.C. Utopia – realidades possíveis ou possíveis realidades? *Cultura*, 2017, vol. 36, pp. 355–372. <https://doi.org/10.4000/cultura.3778>

47. Fleurbaey M. Mainstreaming Utopia: A Global Challenge. Wiewiorka M., Lévi-Strauss L., Lieppe G. (eds.). *Penser global: Internationalisation et globalisation des sciences humaines et sociales*. Paris, 2015, pp. 93–102. <https://doi.org/10.4000/books.editionsmssh.4726>

48. *L'observatoire des perspectives utopiques: Rapport d'analyse*. Vague 1. Paris, 2019. 152 p. Available at: <https://librairie.ademe.fr/consommer-autrement/5709-observatoire-des-perspectives-utopiques-des-francais-vague-1-de-2019.html> (accessed: 15 November 2023).

Информация об авторе

Л.А. Жгилева – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социологии высшей школы социально-гуманитарных наук и международной коммуникации Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова (адрес: 163002, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 17).

Information about the author

Larisa A. Zhgileva, Cand. Sci. (Philos.), Assoc. Prof. at the Philosophy and Sociology Department, Higher School of Social Sciences, Humanities and International Communication, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (address: nab. Severnoy Dviny 17, Arkhangelsk, 163002, Russian Federation).

Поступила в редакцию 15.11.2023

Одобрена после рецензирования 31.01.2024

Принята к публикации 01.02.2024

Submitted 15 November 2023

Approved after reviewing 31 January 2024

Accepted for publication 1 February 2024